

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ОСНОВ ЭСТЕТИКИ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

ГАЛИНА КОЛОМИЕЦ

Галина Коломиец – д. филос. н., профессор, Оренбургский государственный университет, Россия

E-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Организованная ридинг-группа «Эстетика» А. Г. Баумгартена под руководством А. Е. Радеева подвигла автора данной статьи к размышлениям о ценности баумгартеновских чтений и собственно труда основателя эстетики как науки. Три круга эстетики, определённые Баумгартеном в гносеологии (чувственное восприятие и познание, красота, теория искусств) затрагивают онтологию, антропологию, аксиологию, искусствоведение, и применимы, как указывал Баумгартен, ко многим наукам и искусствам: филология, риторика, поэзия, музыка, герменевтика, экзегетика как наука о комментарии текстов, гомилетика как теория проповедничества, др. Приводится сущность баумгартеновской эстетики в предметном поле философского знания и её задача, заключенная в совершенствовании чувственного познания и цели – красота. При этом подчеркивается способность мыслить образами, сила воображения, ведущая к разнообразным трактовкам эстетики и философии искусства, что на современном историческом этапе цивилизационного развития, согласно автору, углубляет баумгартеновскую концепцию. По мысли автора, эстетика становится проблемой антропологии, философского антропосоциоэкологического подхода, поскольку современный путь развития цивилизации непредсказуем, обусловлен проблемой человеческого существования в системе «природа-

жизнь-человек-социум-индивид» в условиях расширения искусственного «неорганического тела цивилизации» и проблемой органического тела человека. Автор уповает на устойчивое древо эстетики как философской науки, определённой Баумгартеном. Вместе с тем не исключает метафизику единства сущностей красоты, добра, истины, которую автор просматривает как предпосылку баумгартеновской эстетики. В статье поднимается проблема определения современной эстетики как философии искусства, двойственности эстетического знания, обращенного, с одной стороны, к эстетике как науке с необозримым полем тем и предложений, и эстетике, трактуемой в свете философии искусства, учитывая современное широкое понимание самого искусства и его предмета, не сводимого собственно к художественному творчеству. Попутно затрагиваются примеры из области философии музыки и собственной практики.

Ключевые слова: А. Г. Баумгартен, эстетика, антропосоциоэкологический подход, философия искусства, философия музыки.

A MODERN READING OF THE FOUNDATIONS OF AESTHETICS IN THE SUBJECT FIELD OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Kolomiets Galina

Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor of Philosophy, Culturology and Sociology Chair, Orenburg State University (Orenburg, Russia)

E-mail: kolomietsgg@yandex.ru

The organized reading group “Aesthetics” of A. G. Baumgarten under the leadership of A. E. Radeev prompted the author of this article to think about the value of Baumgarten’s readings and the work of the founder of aesthetics as a science. The three circles of aesthetics defined by Baumgarten in epistemology (sensory perception and cognition, beauty, art theory) affect ontology, anthropology, axiology, art criticism, and are applicable, as Baumgarten pointed out, to many sciences and arts: philology, rhetoric, poetry, music, hermeneutics, exegesis as a science of commenting on texts, homiletics as a theory of preaching, etc. The essence of Baumgarten’s aesthetics is given in the subject field of philosophical knowledge and its task, which is to improve sensory knowledge and the goal – beauty. At the same time, the ability to think in images, the power of imagination, leading to various interpretations of the aesthetics and philosophy of art, are emphasized, which, according to the author, deepens the Baum-

garten concept at the present historical stage of civilizational development. According to the author, aesthetics becomes a problem of anthropology, a philosophical anthroposocio-ecological approach, since the modern path of development of civilization is unpredictable, due to the problem of human existence in the system “nature-life-man-society-individual” in the context of expanding the artificial “inorganic body of civilization” and the problem of the organic human body. The author relies on a stable tree of aesthetics as a philosophical science defined by Baumgarten. At the same time, he does not exclude the metaphysics of the unity of the essences of beauty, goodness, truth, which the author views as a prerequisite for Baumgarten’s aesthetics. The article raises the problem of defining modern aesthetics as a philosophy of art, the duality of aesthetic knowledge, on the one hand, to aesthetics as a science with a vast field of topics and proposals, and aesthetics, interpreted in the light of the philosophy of art, given the modern broad understanding of art itself and its subject not reducible to artistic creation itself. Along the way, examples from the field of philosophy of music and their own practice are touched upon.

Key words: A. G. Baumgarten, aesthetics, anthroposocioecological approach, philosophy of art, philosophy of music.

Обращаясь к основам эстетики в предметном поле философского знания, начну с приятного события, а именно: Председатель Российского эстетического общества А. Е. Радеев организовал ридинг-группу «Эстетика» А. Г. Баумгартена – это открытое чтение и обсуждение аспирантами университета под руководством Председателя с участием в режиме онлайн всех желающих по случаю впервые в 2021 году вышедшего в печать на русском языке полного труда немецкого основателя эстетики как философской науки. Состоялось несколько больших заседаний, которые продолжаются. «Баумгартеновские чтения» замечательны тем, что, во-первых, это истинное обращение к идеям основателя эстетики как науки и, во-вторых, обращение к подлиннику превратилось в замечательное общение, дискуссию, которые продвигают эстетическую мысль от баумгартеновского изначального изложения через запас прочности классической и последующей эстетической мысли к современным поискам эстетики будущего в российском научном мире.

Второе событие, которое стало предметом моих размышлений, это разосланное по электронным почтам открытое письмо учёного О. А. Кривцуна, который писал, уповая на энергию

и инициативность Российского эстетического общества, что его особенно беспокоит судьба преподавания эстетики в вузах России (снятие или ограничение этой дисциплины), писал о необходимости возвращения/восстановления эстетики как фундаментальной дисциплины. Мы разделяем его беспокойство и ратуем за эстетику. О. А. Кривцун утверждает, что программы по эстетике должны быть пересмотрены, учитывая соединение эстетической аналитики с мировым художественным процессом: «Увы, во многих местах, эстетика преподается схоластично: либо студентам втолковывают совсем ненужные сведения о том, «кто, что сказал относительно таких-то эстетических идей». Либо – втискивают в учеников абстрактные сведения «о прекрасном как таковом (вообще)», о безобразном, о комическом и т. п. совершенно без опоры на историю искусства (а только в опоре на историю эстетических категорий, которая нужна лишь узким специалистам!) в отрыве от исторического и современного материала искусства», следует из письма. Ориентация на философию искусства предполагает фундаментальные знания в области каких-либо конкретных изящных искусств, например, живописи, поэзии или музыки.

Что касается философии искусства, обращаю внимание на то, что на XXIV Всемирном философском конгрессе в Пекине 2018 года было 99 секций, среди них «эстетика и философия искусства», отдельно секции «философия музыки», «философия архитектуры», «философия и литература», «философия и лингвистика», др. Обращаю внимание на девиз этого конгресса «Учиться быть человеком», что в духе древней конфуцианской традиции, марксистской философии, ведущей в современном Китае, с задачей с помощью искусства «сделать человека лучше». В призыве «Учиться быть человеком» я вижу современное прочтение ответственности человека перед природой и цивилизационным развитием (среди секций были такие, как «философия тела», «философия спорта», «философия разума», «философия развития», «философия действия», т. д.). В Китае природосообразность Бытия, нравственно ценимая человеком, вписывающимся в природоцелесообразность, связана с представлением о «великой музыке» в конфуцианстве, или «музыкальности» вселенского пути дао.

«Учиться быть человеком» – это для меня означает разработку такого специфического подхода в философии и эстетике как антропосоциоэкологический, который обусловлен глобальными кризисами – антропологическим и экологическим – в новой техногенной цивилизации. Здесь я сошлюсь на слова В. С. Стёпина о том, что вся история человеческая есть историческое движение «неорганического тела цивилизации». (Stepin, 2011, 20) Стёпин использует метафору К.Маркса, определяя «понимание человека как существа, бытие которого определено его телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его «неорганическое тело» (Stepin, 2011, 20), как второго тела человека, им же самым неустанно изобретаемого и расширяемого. Как мы наблюдаем, расширение «неорганического тела» и смешение обоих тел человеческого бытия имеет прямое отношение к современному искусству.

Очевидно, современная философия искусства, неразрывная с конкретными видами искусства, которые теперь свободно допускают всевозможные смешения – контаминации (вспомним Горация, поскольку Баумгартен часто прибегает к античным примерам: «Если бы женскую голову к шее коня живописец вздумал приставить...») (History of aesthetics, 195), должна иметь в виду концепцию этико-эстетической взаимосвязанности «природа-жизнь-человек-социум-индивид». (Baumgarten, 2021, 195) И всё же у меня остаётся вопрос: «эстетика и философия искусства», или «эстетика как философия искусства»? Раздвоение эстетики и философии искусства, присущее эстетической теории Баумгартена, приобрело новые черты и проблемы. Так и я, на Всемирном философском конгрессе раздваивалась между секцией «Эстетика и философия искусства» и секцией «Философия музыки». В Оренбургском государственном университете я веду курс по философии музыки, знаю, что такая дисциплина есть в Пермском техническом университете и в Высшей школе экономики, возможно еще где-то в России. Мой курс философии музыки опирается на две линии, сложившиеся в философии с античных времен: пифагорейская-платоническая о метафизике музыки (космологическая концепция, как в древнем Китае «великая музыка в Дао») и вторая,

идущая от ученика Аристотеля Аристоксена, который углублялся в искусство музыки, в практику и музыкальную теорию. Таким образом, выросла проблема неизменного, субстанционального принципа музыки вселенской Гармонии, Ритма и изменяющейся музыки-искусства, музыкального в «инобытии», говоря словами Гегеля. Мне приходилось дать несколько онлайн-уроков философии музыки по просьбе музыканта из Франции Д.Расуль-Кареева, который прочитав мою книгу «Ценность музыки: философский аспект», записал одну из наших бесед «Философия музыки простым языком» о Пифагоре, его идее божественного Числа, Гармонии и музыки сфер. Небезынтересным представляется проведение философской эстетико-музыкальной линии от Пифагора к Кеплеру, Декарту («Компендиум музыки»), Лейбницу, которого почитал И. С. Бах, далее к Бетховену и Лосеву, к Хиндемиту («Гармония мира») и др.

Эстетика, опираясь на античную философскую мысль, в широком смысле обычно трактовалась как Философия красоты (с вытекающими обильными категориями) и как Философия искусства, близкая к теории и практике искусств. Отсюда современное понимание эстетики и философии искусства как образа жизни, как познания. Еще Цицерон писал: «Искусство относится к тем предметам, которые познаются» (as cited in Ovsyannikov, 1964, 193), и прекрасные произведения художник создает, потому что прекрасное выражение, изображение происходит от способности мышления, прекрасное мы обнимаем мышлением и умом, писал он, например, «когда художник изготавлял изображение Юпитера и Минервы [...] в его собственном уме жил некий возвышенный образ красоты». (as cited in Ovsyannikov, 1964, 192) Как я полагаю, для Баумгартена это было важно. Если акцент сместить с категорий на философию искусства, тогда проблемой остается само понимание искусства, которое больше, чем художественное творчество в разных областях, в том числе, и музыкальной.

Однако обратившись к прочтению эстетики Баумгартена как предмета гносеологии, этих почти 800 страниц текста полного труда, мы видим, какой огромный труд проделал философ, представив тщательно сделанный анализ чувственного познания с восхождением к идеалу совершенства, красоте и совершенному эстетике посредством эстетической

науки, к совершенствованию самих себя. Мы проживаем ценность труда этого философа в контексте современности. Аналитическая эстетика Баумгартена представляется слишком дотошной в приближении к физическим наукам его времени. Но мы можем констатировать тот факт, что при всех неоклассических тенденциях современной гуманитарной мысли в проблемном поле философского знания остаются классические три круга эстетических направлений, определённых Баумгартеном в гносеологии, однако затрагивающих онтологию, антропологию, аксиологию, искусствоведение, социологию и культурологию. Главное то, что обозначена эстетика в предметном поле философского познания как способность *мыслить образами* (воображение в мышлении, или мышление с воображением) на основе чувственного восприятия, не только чувственно воспринимаемого окружающего мира, но и бытия невидимого в воображающем сознании, того, к чему обращено наше *эстетическое сознание*, вопрошающее к бытию во всех его проявлениях, вместе с чувственно воспринимаемым миром собственных видений и фантазий. Одним словом, мы имеем дело с любопытным, жаждущим впечатлений и художественного творения эстетическим сознанием, надеюсь недоступным «киборгам» искусственного интеллекта, чтобы не потерялся человек, не исчез наш вид *Homo sapiens*. Эстетика становится проблемой антропологии! Когда-то, лет 55 назад, М. Хайдеггер воскликнул, что истина теперь не только дело логики, а эстетики!¹ (Heidegger, 1987) Теперь мы можем воскликнуть,

---

¹ См. об этом: книга Г. Г. Коломиец «Ценность музыки: философский аспект», глава «Исток художественного творения»: В большом искусстве «художник остается чем-то безразличным по сравнению с самим творением», он подобен некоему «уничтожающемуся по мере созидания проходу, по которому происходит творение» (Heidegger, 1987, 281). Совсем в духе Плотина Хайдеггер отмечает и дальше: в творении творится сама истина, совершается «несокрытость» в отношении к сущему, просветляется сокрывающееся бытие. Такая светлота встраивает свое сияние вовнутрь творения. Сияние, встроенное вовнутрь творения, есть прекрасное. И вывод: «красота есть способ, каким бытийствует истина – несокрытость» (Heidegger, 1987, 293). Ранее красота была делом эстетики, а истина – логики. Теперь пришло суждение, что искусство есть полагание в творение истины (Heidegger, 1987, 278).

что эстетика (обращенная к человеку, в том числе к природному телу человека и искусственному телу человеческой цивилизации) смыкается с философской антропологией и становится философией искусства с проблемами красоты, добра, истины. Если единство трёх метафизических сущностей искусственно разделяется, то это говорит нам о нашем вопрошающем сознании в условиях расширяющегося тела цивилизации.

Однако обратимся к логике и эстетике. Действительно, если мы с точки зрения чистой математической логики скажем: $2+2=4$, то эстетическому сознанию этого недостаточно, оно хочет узреть образ, мыслить образами, к примеру, так: 2 яблока + 2 яблока = 4 яблока (да еще 2 красных и 2 зеленых, сочных, твердых, мягких, ведущих к телесным и душевно-духовным позывам к работе эстетического сознания, фантазиям и даже к фантазмам). А дальше работает этическая компонента: а для кого эти яблоки предназначены? А вот появилось художественное воплощение: на картине мы видим изображение этих яблок. И опять тот же вопрос, чьи и откуда они, что я буду, могу, должен с ними делать? Что в нашем эстетическом сознании происходит, или может происходить, что пробуждает мысль и телодвижения, вызывает энергию эмоций и действий? А если от эстетического восприятия всего этого «яблочного» захотелось придумать новую соковыжималку? И пусть дальше работает чистая математическая логика в науке, жизненной практике.

Итак, первый круг чувственного восприятия от древнегреческого айстезиса ведет к эстетико-познавательной функции, требующей действия, ведет к мыслительным операциям, деятельности процессу, что и выделил Баумгартен в способности мыслить образами.

Второе, что уточняется классической эстетикой – это путь к прекрасному или безобразному и т. д., он выводит на круг эстетических категорий, понятий и на путь совершенного эстетика посредством воспитания чувства прекрасного. Вот здесь Баумгартен, как я вижу, следуя философской традиции, шёл по пути метафизического восхождения «красота-добро-истина» и связи прекрасного и возвышенного. Приведу примеры из названий разделов книги Баумгартена:

- Красота познания,
- Эстетическое вдохновение,
- Возвышенный род рассуждения,
- Противостоящие возвышенному пороки,
- Эстетическое величие,
- Наибольшее величие души в эстетике,
- Эстетическая истина и ложность,
- Абсолютное эстетическое стремление к истине, др.

Еще одна мысль. Думается, что сам XVIII век, уже обращенный к экспериментальной науке, пристальному наблюдению и изучению вещественного мира, само любование не только природой, но и вещами, сделанными умом и руками человека, когда в живописном искусстве представлялись не только бытовые сцены, но и натюрморты, обнаруживающие способность пристального умного взглядывания художников в нутро разных предметов, как под микроскопом, вызвал у философской эстетики аналогичное желание пристального внимания к природным, рукотворным и поэтическим вещам на основе эстетического сознания, научно объясняемым. Таков второй круг эстетического познания, следуя Баумгартену.

Наконец, третий круг эстетики как философской науки и дисциплины, исходящий от Баумгартена, обращен к всеобщей теории искусств, т. е., как мы теперь определяем, к философии искусства с опорой на конкретные виды в поисках всеобщих правил (он опирался на риторику и поэзию, но предполагал и другие искусства). В научной эстетике Баумгартен представил суть эстетической истины, которая заключается в системе взаимосвязанных критериев совершенства чувственного познания: структурный, этический, аргументированный, эмоциональный. Это уровни эстетического восприятия с точки зрения структуры, этики, аргументированных убеждений, эмоционального воздействия, на что указывают разделы:

- Природная эстетика
- Эстетическое упражнение
- Эстетическое учение
- Эстетическое вдохновение
- Обилие дарования
- Обогащающие аргументы

- Увеличивающие аргументы
- Убеждающие аргументы
- Эстетическое убеждение
- Эстетическая очевидность

И как мне представляется, очерчен путь восхождения в чувственном познании от красоты к добру (этическому компоненту, связанному с эстетикой) и истине, причем не разделяя их, а имея ввиду их целостность с акцентом на разные грани. Близкую мысль нахожу в словах Сальваторе Тедеско: «Баумгартен, в сущности, строит систему различных критериев оценки познания, которые поочередно рассматривают эстетические представления с точки зрения структурной плотности, этической релевантности, аргументативной силы, эмоционального воздействия... речь идет о системе взаимосвязанных критериев,... по очереди отдавая первенство в анализе одному из них и всегда пользуясь результатами, достигнутыми посредством предыдущих «критериев совершенства»... Общее развитие «Эстетики» идет от *чувственной связи к ее совершенствованию*» (Tedesco, 2021, 26). Критерии истины и эстетического света приводят к очевидности эстетического познания. Таким образом, «слитный» мир чувственного познания преобразился под взглядом Баумгартена в обоснованную и разумную структуру, чью ёмкость в анализе разных критериев совершенства мы будем испытывать шаг за шагом, пользуясь обильнейшим аппаратом ученых ссылок и примеров из латинских поэтов» (Tedesco, 2021).

Ценность исходной баумгартеновской «Эстетики», я бы сказала, более чем гносеологическая, в современном прочтении, скорее антропологическая. (Kolomiets, 2021) Переосмысление, интерпретации идей Баумгартена целесообразны. Ученые определяют значение баумгартеновского труда, связанного с чувственным познанием, для психологии (К. Гилберт, Г. Кун), аксиологии (Л. Н. Столович). Овсянников, Асмус, Столович писали о том, что Баумгартен нащупал двойственное ядро эстетики, поскольку *sensitivus* Баумгартена и как темное познание и как ясно-слитное познание, которое привело к науке о правилах совершенствования чувственного познания, включало искусство, создав деление эстетики на теоретическую и практическую. (Kolomiets, 2020)

Начав в § 1 с определения предмета новой науки: «Эстетика (теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасного рассуждения, искусство аналога разума) есть наука чувственного познания» (Baumgarten, 2021, 40), в «Теоретической эстетике», которая начинается разделом, посвященном «Красоте познания», в § 14 Baumgarten уточняет: «Цель эстетики есть совершенство чувственного познания как такового. А это совершенство есть красота» (Baumgarten, 2021, 45). Важно то, что в «Пролегоменах» Baumgarten, указав на суть эстетики, определяет широкое поле эстетики и пишет о таких частных способах её приложения как: «1) филологический; 2) герменевтический; 3) экзегетический; 4) риторический; 5) гомилетический; 6) поэтический; 7) музыкальный и пр.» (Baumgarten, 2021, 41). Следовательно, эстетика нужна всем в прикладном значении.

Чтобы подчеркнуть научность эстетической истины, Baumgarten вводит понятие «эстетико-логическая истина», словно указывая, что, как ученый философ, он занимается эстетико-логической истиной, красотой познания, когда и в эстетике и теории искусств действует своя логика, которая оперирует универсальными понятиями. Помимо субъективного чувственного, восприятия эстетическое суждение имеет всеобщее универсальное основание, что необходимо знать «совершенному эстетическому», которому следует развивать природную натуральную эстетику с помощью эстетической тренировки, практики и эстетической теории (науки эстетики), формирующей формы прекрасного познания. Это говорит нам о том, что, представляя эстетику как науку, область гносеологии, он сознательно как бы исключает метафизику, но, на самом деле, он не исключает в эстетическом познании связь с метафизикой, фундаментальными основами бытия, философско-антропологической рефлексией предельного основания эстетического бытия красоты сущностной и видов свободного искусства. С. Тедеско уточняет:

Красота есть совершенство во взаимосвязанности чувственных репрезентативных элементов. Красота – наиболее полное проявление особой «рациональности» аналога разума..., было бы весьма некорректно говорить, что такая форму-

лировка представляет собой метафизическое определение красоты: метафизическое определение, на которое Баумгартен указывает в примечании, здесь скорее предполагается (Tedesco, 2021, 22).

Баумгартен выделяет понятия совершенство и универсальная красота. Универсальная красота в чувственном познании есть «взаимное согласие мыслей» (п. 18), т. е. красоту чувственного познания следует отличать от красоты вещей, предметов, мыслей. Речь идет не о красоте объекта, а о том, что безобразные предметы, как таковые, могут мыслиться прекрасно, а прекрасные могут мыслиться безобразно, что характерно для искусства. Чувственное познание строится на специфической аналитике сравнительного различения. Совершенством будет порядок, при котором созерцаются прекрасно мыслимые вещи, имеющие красоту значения, внутреннюю согласованность. Здесь на примере поэзии и риторики такие характерные черты, как обилие (богатство), величие, истинность, ясность, достоверность, живость, мера, др.

Эстетика Баумгартена является философской рефлексией, она опирается на историю «эстетического познания и практики, и эта история является подготовительной ступенью для эстетической науки, начало которой положил сам Баумгартен». (Tedesco, 2021, 31)

Что может принципиально нового дать современная эстетика в России, поднимающая вопросы нонклассики, обоснование «супер-новых» категорий? Что есть множество разветвлений древа эстетики как философской науки? Древо эстетики как философской науки, заданное Баумгартеном, на мой взгляд, достаточно устойчиво. Пугает разветвление древа, множество разветвлённых моделей или причастных модусов этого древа в современном предметном поле философского знания, подобно тому, как 99 секций философии «чего угодно», так и множество секций эстетики, но остается главное – вопрошание воспринимающего эстетического сознания, метафизика, философская рефлексия сознания, ищущего аргументы собственных сил воображения.

В заключение приведу один пример из моей практики о метафизическом зове прекрасного, о том, что в сознании челове-

ка есть ориентация на гармонию, прекрасное и возвышенное, когда эстетическое одной стороной обращено к добру – возвышенное, а другой – смотрит в сторону истины – прекрасное, что и будет утверждать Кант, рассматривая эти две ипостаси эстетического суждения; эстетическое, по Канту, выступает между истиной и добром. (Gulyga, 1994, 20) Суть примера из моей собственной практики заключается в подтверждении интуитивного познания, «самопроизвольного действия» гармонии эстетосферы в человеческом эстетическом сознании. Студентам поздней осенью было дано задание принести на занятие несколько осенних листьев, не объясняя суть эксперимента. Все принесли не случайные листья, а выбранные как самые красивые, разноцветные, понравившиеся. Почему? Ведь в задании было сказано просто: принести осенние листья. Можно было бы принести охапку сухих, или мокрых, грязных, мертвых листьев. Однако никому этого в голову не пришло, никто не принёс ком грязных листьев, все выбирали! Все руководствовались удовольствием в поисках того, что нравится само по себе, интересом, удовлетворяющим любопытство и т. д. Далее было предложено второе задание: выложить на стол принесённые листья, но все стали составлять композиции! В результате композиции продемонстрировали стремление к смыслу, ясным формам, гармоническим структурам, с симметрией, числовой пропорциональностью, цветовым решением. В каждой композиции был свой порядок, созданный, по словам студентов, непосредственным интуитивным видением. Почему? Воображающий, игровой Разум увлекала за собой, скажем словами Баумгартена, природная или искусственная (теоретическая) эстетика, пробудилась чувственно переживаемая Гармония, обнаруживая стремление к порядку и красоте. Когда же студентам объяснили суть эксперимента, у некоторых сразу возникло желание создать что-то наоборот бесформенное, дисгармоничное, но это вторичное желание появилось от изощренного ума. Так и в искусстве мы балансируем между непосредственным чувственным и рационализированным созерцанием. Разумеется, кто-то и в первом задании мог бы руководствоваться безобразным, однако, как показали

потом повторы эксперимента, торжествует Гармония и Красота как простая истина.

REFERECES

- Baumgarten, A. G. (2021). *Aesthetics* (G. S. Belikov, A. V. Belousov, D. V. Bugai, M. I. Kasyanova, A. O. Korchagin, E. Y. Chepel, Yu. A. Shakhov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ. (In Russian)
- Gulyga, A. V. (1994). Aesthetics of Kant. Kant I. In A. V. Gulyga (Ed.), *The Critique of Judgment* (pp. 9-35). Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)
- Ovsiyannikov, M. F. (Ed.). (1964). *History of Aesthetics. Monuments of World Aesthetic* (1st ed., Vol. 2). Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)
- Kolomiets, G. G. (2020). Aesthetics as a Philosophical Science: Rethinking the Ideas of A. Baumgarten. *Intellect. Innovation. Investments*, 4, 61-69. (In Russian)
- Kolomiets, G. G. (2021). The Anthropological Dignity of Baumgarten's Aesthetics. In T. A. Kruglova, A. E. Radeev (Eds.), *The Second Russian Aesthetic Congress: Abstract, reports of participants, July 1-3, 2021, Yekaterinburg* (pp. 264-266). Yekaterinburg: Gumanitarnyj Universitet Publ. (In Russian)
- Stepin, V.S. (2011). *Civilization and Culture*. St. Petersburg: SPbGUP Publ. (In Russian)
- Tedesco, S. (2021). Preface to the Italian translation of "Aesthetics" of Baumgarten. In A. G. Baumgarten. *Aesthetics* (pp. 12-32.) (G. S. Belikov, A. V. Belousov, D. V. Bugai, M. I. Kasyanova, A. O. Korchagin, E. Y. Chepel, Yu. A. Shakhov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ. (In Russian)
- Heidegger, M. (1987). The Source of Artistic Creation. In Kosikov G. K. (Ed.), *Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th-20th centuries* (pp. 264-312) (A. V. Mikhailov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian)